

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1971
АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1971. Агент влияния / Евгений Щепетнов. —
Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Новый фанта-
стический боевик).

ISBN 978-5-04-112700-8

Михаил Карпов приезжает в США по приглашению своего американского издателя. Заокеанская жизнь переливается перед героем всеми возможными красками, но не производит особого впечатления... Ведь он патриот, а его пребывание за рубежом оправдано исключительно большими целями. Беда подкралась откуда не ждали. Те анонимные письма, которые он писал верховному правительству, все-таки вывели на автора, и возвращение в родной Советский Союз теперь осложнено, ведь непонятно, кто он — сумасшедший контрагент, который пытается посеять сомнения в высших эшелонах власти, или загадочный провидец, который знает, что ждет страну в обозримом будущем. Ясно теперь только одно: в глазах властителей мира Карпов — агент влияния.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112700-8

© Щепетнов Е.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

— Это же спектакль! Ну что тут может быть интересного? — Я обогнул бородатого толстяка, перекрывшего коленями почти весь проход между сиденьями, и пошел дальше, покосившись на арену справа от меня. Толстяк жрал. Именно не ел, а ЖРАЛ, засовывая в жерло своего рта-камнедробилки разорванный его «жвалами» здоровенный бутерброд. Майонез и кетчуп текли изо рта, оседая на рыжей бородке густками дьявольской сукровицы. Мужик чавкал, и было видно, как на толстом языке перемешиваются перемолотые кусочки розово-кремовой субстанции. Брр... отвратительное зрелище!

Был у меня в юности знакомый, Федька Жижин, так вот он всегда чавкал за едой, и как-то я не выдержал и высказал ему, мол, что ты, как свинья, себя ведешь? На что он мне спокойно заявил, что ему ТАК вкуснее.

Я иногда потом вспоминал его слова, когда слышал об очередном закидоне «американских партнеров», как их называет Путин. То одну страну сожрали, чавкая и перемалывая ее содержимое, то другую залили «кетчупом» и схарчили с превеликим удовольствием. И только потому, что им ТАК вкуснее.

Может, и неравнозначное сравнение, но вот так я всегда, когда слышал об очередных победах американской демократии, видел эту пасть, перемалывающую все, что туда засунули загребушие руки. И сейчас вспомнил, когда увидел этого рыжего мужика с бутербродом в одной руке и банкой пива в другой.

А вытащил меня сюда Рон практически насильно — мол, не все же время сидеть дома, надо иногда и гулять! А ведь честно сказать, я действительно что-то засиделся. Пять дней только работа и бег в Центральном парке. Нет, не только бег, конечно, я отжимался, подтягивался (нашел приличную ветку дерева, и вперед). Ну и бой с тенью — надо же поддерживать реноме бесстрашного борца с гангстерами!

Если честно, никакие это были не гангстеры, как раззвонили все газеты США. Просто толпа черных гопников, правда, вооруженных пистолетами. Наши гопники до такого еще не скоро дойдут. Лет через... хмм... тридцать? Нет, раньше — через двадцать лет начнется бандитский беспредел.

Кажется, вроде бы и еще долго, целых двадцать лет! Но что такое двадцать лет для страны? Для мира? ЖЖЖ! И пролетел сторающий в атмосфере метеор! Вот что такое для мира двадцать лет.

Я добросовестно досидел три дня в арендованном для меня шикарном номере, а потом переехал в квартиру, которую на месяц снял для меня Роджер Страус, директор и хозяин издательского дома «Фаррар, Страус и Жиру».

«Досидел» — не очень верное определение того, что я делал. Ну да, вообще-то я сидел, ведь печатать

на машинке лежа, по-моему, никто еще не научился, но просто сидением это назвать все-таки трудно. Я писал своего Гарри. Своего, не копию Гарри Поттера. Потому совесть меня не гложет. Так... слегка подкусывает. Но слегка.

Меня перло. Так я называю это состояние, когда не хочется ни есть, ни пить — только стучать по клавишам и стучать! У меня бывало такое, и не раз, иначе я не мог бы писать с такой скоростью, чтобы хейтеры визжали от злобы и зависти. Но чтобы вот так! Чтобы меня буквально прорвало потоком текста! И хорошего текста, качественного текста — уж я-то знаю толк в этом деле. Я вижу качественный текст. А еще чувствую, понравится он людям или нет.

И я выдавал по двадцать четыре страницы в день! Спал по четыре часа в сутки, урывками ел, прерывался только на физкультуру и душ и печатал, печатал, печатал!

За пять дней я напечатал треть новой книги и чувствовал, что у меня получается. Получается! Я был как охотник, который встал на след дичи и который знает, что она от него не уйдет.

И тут появился Рон. Он едва ли не волоком вытащил меня из квартиры и буквально заставил пойти с ним на соревнования по рестлингу.

Нет, сказать, что он «появился», было бы слишком уж драматично. Рон приходил каждый день, спрашивал, не надо ли нам чего, как наше самочувствие, а потом исчезал, задумчиво мотая головой, как цирковая лошадь.

На шестой день он сказал, что я выгляжу полусумасшедшим наркоманом и так углубляться в рабо-

ту нельзя — совсем с ума сойду! Кстати, то же самое говорил и мой «ручной» гэбэшник Нестеров, с которым я жил в одной квартире с тех пор, как издательство перестало оплачивать наши номера и сняло нам квартиру. Двухкомнатную квартиру, это уж само собой.

Нестеров продолжал пить и все дни проводил или во сне, или в полузабытии алкогольного угара. Если только не выходил в магазин за едой и очередной порцией спиртного. Я не вмешивался, мне было не до него. Пускай делает, что хочет, лишь бы не мешал. И он не мешал.

И никто не мешал. Удивительно, но за все пять дней после пресс-конференции нас никто не беспокоил, кроме вездесущих журналистов. Вот те лезли просто как тараканы! И если бы не эффективная работа охраны отеля, мне точно не дали бы поработать. А потом меня с Нестеровым тихонько увезли, выведя через черный ход, так что папарацци остались с носом.

Печатную машинку с русским шрифтом найти оказалось совсем даже не сложно — здесь, в Нью-Йорке, можно было купить все, что угодно, были бы деньги. Во что обошлась машинка издательству Страуса, я не знал — какая, по большому счету, мне разница? Я попросил, мне привезли и машинку, и бумагу, и ленты для машинки. А где взяли, как взяли — да хоть из музея уперли, мне какое дело?

Страуса за все пять дней я так и не увидел ни разу. Он будто растворился в пространстве. Обещал, что познакомит меня со своими компаньонами, привезет в издательство, и вот — даже глаз не кажет! Спрашивал Рона, куда девался его шеф — Рон

только ухмылялся и похлопывал меня по плечу, мол, успокойся! Все идет, как надо! Шеф занимается печатью моих книг, для чего вылетел куда-то там, и срочно решает вопрос о доптираже. Ну и само собой — дело, то бишь бизнес — превыше всего. Успеем еще наобщаться!

Беспокоило меня и отсутствие реакции нашего, советского консульства. Я почему-то считал, что меня тут же вызовут в консульство или даже сами прибегут, однако ни малейшей реакции! Почему? А ведь Нестеров точно доложил по инстанции о происшедшем. Выжидают? Хотят увидеть, чем все закончится? Очень нетипично для нашего МИДа. Или скорее — для нашего КГБ.

В общем, я провис где-то в пространстве. И домой лететь не могу — не пускают, ведь расследование прокуратуры продлится как минимум месяц, и страна Советов почему-то не особо интересуется судьбой своего блудного сына. Даже как-то обидно. Я вообще-то не из последних, не какой-то там бомж! Известный писатель, один из самых популярных фантастов в СССР, если только не самый популярный...

В принципе, пока что не особо и страдаю. А чего мне страдать? Есть-пить хватает, жилье — вполне приличное (дом вроде нашей девятиэтажки, с консержем на входе), работа идет — только треск стоит!

Единственное, чего мне не хватает — это женщины. Ниночка осталась в Союзе, а я уже как-то привык к ее страстным объятиям. Здесь же... только взглядом девушек провожу, когда выхожу на утреннюю пробежку.

Впрочем, когда возвращаюсь, сразу забываю и о женщинах, и о политике — я пишу бестселлер! Пи-

шу своего Гарри, и у меня получается так, как никогда, наверное, не получалось! Мысль о том, что сейчас ваяю мировой бестселлер, который принесет мне (ну обязательно же!) всемирную известность, абсолютную всемирную известность, — эта мысль не просто возбуждает. Она как наркотик, она как энерджайзер, заставляющий забыть обо всем на свете, кроме листа бумаги и клавиш электрической пишущей машинки!

Кстати, о журналистах — когда выхожу на пробежку, натягиваю на голову капюшон своей ветровки, специально для того купленной в местном магазине. Чтобы не узнали. Журналисты и просто прохожие... которые могут проболтаться тем же журналистам. У славы есть и свои, большущие минусы... это я уже понял. Если в Союзе мне нравилось, когда меня узнавали случайные люди (по фото на обложке книги), то здесь, в США, после шумной пресс-конференции, обошедшей все телекомпании страны (и не только этой страны!), мне пришлось довольно-таки непросто. Папарацци едва не сели мне на шею — и практически в буквальном смысле слова. Кидались на меня, как обезьяны в Таиланде на туристов. Ну как же, советский писатель, который спас двух полицейских, голыми руками расправившись с бандой черных!

Я и так для них был чем-то вроде инопланетянина — советский писатель-фантаст, книгу которого выпустило крупное издательство, так еще и таинственный человек, не помнящий своего прошлого! А после моего победоносного шествия по улицам ночного Нью-Йорка и расправы над бандитами — так и вообще сенсация мирового масшта-

ба! Особенно на фоне отсутствия летних новостей. Летом затихает и политическая, и экономическая жизнь — так бывает всегда и во все времена. Так что я со своими подвигами явился в самый что ни на есть актуальный момент. Подгадал, можно сказать!

От властей Нью-Йорка тоже пока что не было никаких известий. Меня не вызывали, не допрашивали, один раз допросили, сразу после моей эпической битвы с черными гопниками, ну и все... молчок!

Думал над этим. Пришел к выводу, что, вероятно, следствие ждет, когда очнется толстяк-полицейский, которому я спас жизнь, заткнув рану своей рубашкой. Он был то ли в коме, то ли очень слаб и не мог говорить, так что без его показаний следствие не будет полноценным. Вот и дожидаются они, когда третий участник этого действия придет в себя. Был и еще один — тот бандит, который пытался убежать и которому я выстрелил в зад, но, как оказалось, он благополучно помер. Что и немудрено — получить в анус пулю из «Кольга М1911» сорок пятого калибра, это вам... не плюшки трескать!

Как мне рассказал Рон, наш секретарь от издательства «Фаррар, Страус и Жиру», пуля прошла тому козлу через задницу и вылетела с другой стороны, и можно только представить соответствующие разрушения организма несчастного гопника. Я, честно сказать, даже пожалел, что выстрелил ему в зад, но уж больно был тогда зол на творящийся беспредел! Я готов был порвать этого гопника голыми руками, как и того, которому вырвал кадык.

Но потом все-таки решил, что надо было бы пристрелить гада как-нибудь культурнее. Ну, я же

не зверь, в конце-то концов? Пусть бы умирал с целым анусом!

Ну и вот: на шестой день моего добровольного заточения Рон притащился в девять утра, когда я вышел из ванной комнаты после утренней физкультуры, и вытащил меня на соревнования по рестлингу. Кстати, он и Нестерова приглашал, но скорее всего просто из вежливости. Ну... так мне показалось. Просто когда Нестеров отказался, мотивировав это тем, что съел что-то несвежее и его немного тошнит (виски было несвежим, точно!), Рон незаметно для него (но не для меня!) явственно облегченно вздохнул.

Честно говоря, мне тоже было бы не очень комфортно — полдня таскаться с похмельным, помятым, вечно с кислой мордой гэбэшником. Нестеров так-то был неплохим мужиком, но в больших дозах совершенно непереносимым — по причине увлечения своей семейной трагедией, а именно — уходом жены к его бывшему другу. О чем он рассказывал целыми днями всем, кто соглашался его слушать. Хорошо, что хоть дверь в мою комнату запиралась...

Вообще я недолюбливаю алкашей и просто крепко пьющих. Сам уже давно не бухаю — повода нет, да и желания. Это на войне надо было стресс снять, иначе можно и вообще с катушек съехать, а в мирной-то жизни зачем бухать?! Ну да, да, было у меня разок, и недавно, когда Зина мне дала «отлуп». Расстроился сильно, да! Но один раз! И хватит! Залил горе бутылкой вискаря, ну и... хватит горевать. Ей же хуже, раз бросила! Своего ребенка, которого она должна родить, все равно не брошу — обеспечу, вытяну в люди. Но Зина... не ожидал от нее!

Впрочем, речь сейчас не обо мне и не о Зине — о Нестерове. Ну да, жена ушла, так что теперь? Всю свою жизнь псу под хвост? Работу, карьеру — все на свете? Ведь если кто-то прознает, КАК Нестеров бухает — уволят, точно! В народное хозяйство пойдет, быкам хвосты крутить! Он что, не понимает?

Да мне вообще-то плевать. Я ему не мамка и не папка, и не замполит. Человек — сам кузнец своего несчастья. Пусть огребает по полной, раз того хочет. Мне, к примеру, очень удобен тот факт, что Нестеров почти не выходит из своей комнаты. Представляю, если бы он как следует исполнял свои обязанности! Ужас! Таскался бы за мной туда, куда надо и куда совсем не надо.

Огромный зал Мэдисон-сквер-гарден заполнен людьми до отказа. Шумят, жрут, пьют — стадо, да и только! Рон мне популярно разъяснил, что, если я хочу познать Америку, обязательно должен посмотреть на соревнования по рестлингу. Я не стал ему объяснять, что видел эти самые соревнования по телевизору, что никакого почтения этот спектакль у меня не вызывает и что вообще я не очень-то хочу познать Америку. Если только не в смысле сексуального познания! Вертел я ее на одном месте... враг России эта Америка, да и все тут!

Любой либераст или не либераст может спросить: а как же так, ты в этой Америке зарабатываешь деньги, она предоставляет тебе возможность стать богатым, и тут же называешь ее врагом?! Нет ли тут противоречия? Враг — значит, не приезжай! Значит, не давай издавать свои книги злобным врагам! Не имей с ними дела! Лицемер!

А я не лицемер. Я использую США для своих целей. Мне нужно стать всемирно известным писателем для того, чтобы использовать свое влияние на руководство СССР. Чтобы убедить, чтобы заставить руководство Союза пойти ПРАВИЛЬНЫМ путем. Чтобы не было 90-х, чтобы не умирали люди в Афганистане и на чеченских войнах. Чтобы не погибали люди в Донбассе, чтобы русская республика Украина не стала врагом всему русскому. Чтобы Советский Союз поднялся так, как поднялся в двухтысячных годах якобы социалистический Китай.

А что касается того, враг или не враг США — конечно, враг. Как и любая империя, США должны расширяться, должны распространять влияние на весь мир. Захватить весь мир! В конце концов в мире останется только одна страна, так вот США желает, чтобы это были именно они, Штаты. И не путем слияния, как равноправные партнеры, не путем установления договоренностей, а варварски, уничтожая, втоптывая в грязь, сжигая всех, кто противится воле этой империи! Это стиль поведения США, этим они живут. И это очень плохо.

Кто-то может сказать, что Советский Союз — такая же империя и что он делает то же, что делает США. И тоже мечтает распространить влияние на весь мир, и хочет, чтобы в мире остался только Советский Союз. И я отвечу: да, мечтает. Как и положено империи, он имеет те же задачи, что и США. И что? Да ничего! Союз — моя Родина, и я сделаю все, чтобы он не развалился. Чтобы он остался на планете, а не США, уже доказавшие свою неадекватность в решении мировых проблем. Хватит им быть мировым жандармом! Пусть знают свое место!

Каким образом Рон выбил нам места в самом первом ряду, прямо у ринга, не знаю. Но факт — мы сидели почти у самых канатов, нюхали пот, вдыхали пыль и слушали дикие вопли, которые издавали эти накачанные мужики.

Действо меня не зацепило, что называется, абсолютно. Эти раскрашенные клоуны в своих дурацких нарядах выходили на ринг, вращали глазами, орали, рассказывали какие-то свои истории, в которых обвиняли противника в разнообразных грехах, а потом обещали раскатать его по рингу, превратить в лепешку, порвать, растерзать... ну и всяко-разно, настолько, насколько хватило фантазии у тех, кто эти дебильные тексты сочинял.

И начиналось представление. Здоровенные детины прыгали на противника с канатов, как обезумевшие макаки, заламывали руки и ноги, вытаращивая глаза, и заломанный противник изображал невероятные страдания, завывая и стуча окорокообразной рукой по гулкому двойному помосту. Именно двойному — мне-то все хорошо вблизи видно! Эти придурки все удары по противнику наносили... притопывая ногой! Ну, чтобы гул по залу — вроде как по тулову крепко врезал!

Вначале мне было смешно — зал свистел, орал, люди вставали со своих мест, когда очередной мордovorот наносил «подлый» удар своему светлому сопернику. Кажется, у них это называется «хил» — это про бойца-«злодея». Роль такая: «Плохой парень». Его ненавидит весь зал, ведь он наносит подлые удары со спины, выбрасывает в зал рефери, материт зрителей и все такое прочее. Обыч-